

И.Ю. ШАУБ

I.IU. SHAUB

«ПРО НЕПРАВДУ ВСЁ НАПИСАНО!»

**(О попытках ревизии традиционных взглядов
на некоторые памятники Боспора и Скифии)**

"EVERYTHING HAS BEEN WRITTEN ABOUT THE UNTRUTHS!"

**(On the attempts to revise the traditional views on some monuments
of the Bosphorus and Scythia)**

В 1996 году в «Ежегоднике Германского археологического института» появилась работа немецкой исследовательницы Агнес Шварцмайер, посвященная датировке погребений кургана Большая Близница [Schwarzmaier, 1996]. Здесь она между прочим высказала свое несогласие с давно и прочно сложившимся взглядом на этот курган как на место последнего упокоения знатного семейства, представительницы которого исполняли жреческие функции, сочтя аргументы в пользу данной точки зрения неубедительными. Ее возражения уложились в два предложения: «Поскольку головной убор в виде полоса, стлениды, височных подвесок, одеяние, расшитое золотыми бляшками, и прочие украшения, которые всегда интерпретировались как составные части жреческого костюма, находят многочисленные параллели в других скифских погребениях, например, в Толстой Могиле, Куль-Обе, Чертомлыке и др., все эти предметы должны были принадлежать к «нормальному» набору украшений богатой *скифской* (выделено нами – И.Ш.) аристократки. Также неубедительна и попытка А.А. Передольской связать с культом Деметры многочисленные гротескные терракоты, обнаруженные в третьей женской гробнице» [Schwarzmaier, 1996, S. 109]. Вероятно, ощущая слабость своей позиции, ровно через 10 лет в том же солидном издании она опубликовала статью, в которой попыталась эту позицию усилить, перенеся результаты своего анализа одного *фиванского* (выделено нами – И.Ш.) надгробного рельефа, хранящегося в Берлине, на инвентарь жреческих погребений Большой Близницы [Schwarzmaier, 2006]¹. При этом, как и ранее, фактически все русскоязычные труды, прямо или косвенно относящиеся к ее теме, остались Шварцмайер неизвестными², а большинство соответствующих работ на западноевропейских языках было ею либо проигнорировано, либо не было должным образом проанализировано³.

¹ За годы, прошедшие с момента публикации первой статьи, Шварцмайер довелось узнать, что погребенные в Большой Близнице женщины вряд ли были скифянками [Schwarzmaier, 2006, S. 211–212, Anm. 141], однако это никак не повлияло на ее аргументацию.

² Исключением являются статьи В.И. Денисовой [Пругло, 1974], а также две более ранние мало-значительные публикации, причём только по их иноязычным резюме [Schwarzmaier, 1996, S. 106, Anm. 8; S.132, Anm. 149; S 133, Anm. 158].

³ Так, отметая гипотезу А.А. Передольской [Peredolskaja, 1964], Шварцмайер ссылается на далекого от

После многочисленных публикаций целого ряда исследователей нет нужды вновь подробно излагать факты и аргументацию, на основе которых давно сложился, и с новыми открытиями и исследованиями с годами лишь укреплялся взгляд на эти гробницы как на усыпальницы жриц. Дискуссия, как известно, шла только о характере культа, которому они служили⁴.

Наряду с констатацией отсутствия интереса со стороны Шварцмайер к работам о Большой Близнице ее современников, нужно отметить, что ее собственная трактовка изображения, на основе которой ею была предпринята ревизия традиционного взгляда на женские погребения в этом кургане, не только неубедительна, но и, по сути, совершенно бесплодна. Шварцмайер попыталась доказать, что на проанализированном ею фиванском надгробном рельефе представлена не жрица, а невеста. Однако хорошо известно, что каждая усопшая могла рассматриваться как невеста Аида [см., например: Rose, 1925, p. 238 f.; Молок, 1988, с. 151–152] или какого-либо другого бога, связанного с загробным миром (Диониса, Аполлона, и др.). Существование этого отнюдь не умозрительного представления Шварцмайер отрицает, утверждая

причерноморской и религиозно-художественной проблематики искусствовед Химмельманна [см.: Schwarzmaier, 1996, S. 109], в то время как в оставшейся ей неизвестной статье П. Александреску справедливо оспаривается лишь соотношение терракот из гробницы 4 Большой Близницы с Гомеровым гимном Деметры, но поддерживается взгляд на них А.А. Передольской как на ритуальный комплекс, что несовместимо с точкой зрения немецкой исследовательницы. Судя по всему, незнакома Шварцмайер и с двумя рецензиями на немецкоязычную публикацию А.А. Передольской [см.: Bruckner, 1967; Kenner, 1967].

⁴ Первым высказал предположение, что курган служил общей усыпальницей знатного греческого семейства, члены которого исполняли жреческие функции, Л. Стефани; при этом он полагал, что они были привержены культу Деметры и других элевсинских богов [Стефани, 1865, с. 15 сл.; Стефани, 1869, с. 3 сл.].

М.И. Ростовцев пришел к выводу, что погребенные здесь женщины были жрицами местной Великой богини, которая могла идентифицироваться как с Деметрой, так и с Афродитой [Rostovtzeff, 1922, p. 73]. По мнению В.Ф. Гайдукевича, в склепах кургана покоился прах жриц богини Афродиты [Gajdukevič, 1971. S. 228].

А.А. Передольская [Передольская, 1962, с. 52], рассмотрев терракоты из гробницы 4, пришла к выводу, что эти терракоты представляют собой единый комплекс, относящийся к великим элевсинским мистериям в честь Деметры и Керы. Она полагала, что все статуэтки изображают персонажей гомеровского гимна к Деметре [Там же, с. 55 сл.].

Гипотеза А.А. Передольской вызвала справедливую критику ряда ученых [см.: Денисова, 1981, с. 10 сл.]. Особенно обстоятельно рассмотрел ее положения П. Александреску [Alexandrescu, 1966, p. 75 ff.], который во всем комплексе терракот из погребения 4 усмотрел «синкретизм греческой религии и древних автохтонных традиций... дионисийского течения с древним культом Великой богини растительности». Несмотря на спорность отдельных толкований терракот, в целом точка зрения П. Александреску представляется весьма убедительной.

Важным дополнением к «линии» Ростовцева стала работа Д.А. Мачинского [Мачинский, 1978, с. 138], который остроумно выявил «амазонический» аспект в изображениях на предметах погребального инвентаря жриц Большой Близницы.

Комплексное исследование всех материалов, относящихся к данному кургану, позволило автору этих строк расширить, углубить и уточнить выводы Ростовцева и его последователей по интерпретации этого замечательного памятника [Шауб, 1987; 2007, с. 370 – 395; 2011, с. 315–332; 2014].

Шауб И.Ю. «Про неправду всё написано!»... 

(со ссылкой на балканскую этнографию)⁵, что греки верили в возможность свадьбы в Аиде, а не с Аидом [Schwarzmaier, 2006, S. 209-210] (даже не задумываясь о том, что известные ей этнографические данные могут быть рудиментом древней веры в брак с богом загробного мира)⁶. При этом необходимо отметить, что жреческое облачение, учитывая то исключительно важное значение, которое придавалось в древних обществах статусу невесты, могло имитировать свадебный наряд (и наоборот). Кроме того, тенденция героизации покойных⁷, начавшаяся гораздо ранее, но активно развивавшаяся в IV в. до н. э., приводила к тому, что представленные на надгробиях усопшие женщины стали изображаться с атрибутами божеств⁸.

Кстати, обнаруженные в Большой Близнице рядом с местами тризн каменные алтари, верхние плиты которых имели отверстие посередине и воронкообразную ямку под ними для стока жертвенной крови, могли служить для возлияний не только подземным богам [Шауб, 1985, с. 130; 1987, с. 32; 2007, с. 383-384; 2011, с. 323-324], но и погребённым здесь жрицам, являясь свидетельством их если не обожествления, то, во всяком случае, героизации. Дальнейший ход размышлений Шварцмайер, перемежающийся банальнейшими рассуждениями, вроде «смерть молодых людей, усопших раньше своих родителей, не оставив потомства, считалась преждевременной, и поэтому особо трагичной» [Schwarzmaier, 2006, S. 208], таков. Невеста, представленная на надгробном рельефе, держит в руках вотив – терракотовую статуэтку в виде стоящей женщины. Изображением богини, как традиционно считается вследствие атрибута (к сожалению, сильно поврежденного) в руке и украшающего ее голову калафа, она для Шварцмайер, конечно же, не является [Schwarzmaier, 2006, S. 187-188]; однако вопросом, почему данная терракота отнюдь не синхронна основному изображению, а представлена в стиле гораздо более раннем⁹, чем фигура держащей ее «невесты», исследовательница не задается (в то время, как отмеченный факт, несомненно, может служить важным аргументом в пользу традиционной трактовки всего памятника как надгробия жрицы). В погребении 4 (3, по Шварцмайер) Большой Близницы найдены терракоты (тот факт, что при необычно большом ко-

⁵ Русскоязычные исследования на тему «смерть – брак» [например: Соколова, 1977, с. 188–195; Байбурин, Левинтон, 1990, с. 64–98] Шварцмайер, естественно, неизвестны.

⁶ Вероятно, это представление являлось вариантом идеи жертвоприношения богу мертвых (недаром приносимые в жертву чудовищам Андромеда и Гесиона на вазах иногда изображались в брачных одеяниях).

⁷ При этом необходимо учитывать сложность идей, связанных с героизацией умерших женщин, сложность, перед которой останавливались даже вдумчивые исследователи [см., например: Савостина, 1988, с. 108].

⁸ Один из ярчайших примеров – украшенная рельефом афинская надгробная стела середины IV в. до н. э., где героизированная умершая представлена со львом и тимпаном – атрибутами богини Кибелы [см.: Munn, 2006, Frontispiece].

⁹ В то время, как рельеф с изображением «невесты» относится к началу IV в. до н. э. [Schwarzmaier, 2006, S. 179], терракота в её руке соответствует стилю 1-ой половины V в. (по датировке самой Шварцмайер [Schwarzmaier, 2006, S. 186], примерно к 450 г. до н.э.).

личестве они, несомненно, представляют собой отнюдь не случайное собрание, а хорошо продуманный комплекс, причем помещенный в могилу отнюдь не гречанки, в расчет не принимается)¹⁰. Поэтому, заключает Шварцмайер, здесь погребена богатая невеста. То обстоятельство, что в состав головного убора этой женщины¹¹, как и той, что покоилась в гробнице 1, входила стленгида, для исследовательницы отнюдь не является свидетельством их жреческого сана, поскольку фрагменты подобного украшения, считавшегося особенностью Боспора, были найдены в одной из могил афинского Керамика [Schwarzmaier, 2006, S. 185]. Тот факт, что в обоих погребениях Большой Близницы были обнаружены калафы (причем, украшенные в одном случае грифомахией, а в другом – дионисийской сценой, где также фигурируют грифоны, т.е. типичными для Причерноморья мифологическими сюжетами, никакой связи которых с брачными церемониями не просматривается), Шварцмайер не учитывает, хотя именно наличие этих головных уборов (тем более в сочетании со стленгидами) справедливо рассматривается серьезными исследователями как одно из главных свидетельств исполнения жреческих функций нашедшими здесь упокоение знатными дамами¹².

Сопоставление калафов Большой Близницы с аналогичными головными уборами, обнаруженными в женских погребениях курганов Скифии, только подтверждает их сакральную функцию¹³. Судя по совпадению погребальных одеяний скифских «цариц» с костюмом женского божества, представленного на памятниках греко-скифского искусства, эти женщины так же, как и их, несомненно, сакрализованные и исполнявшие священные обряды мужья [см.: Шауб, 2005а; 2005б; 2008], явно должны были исполнять аналогичные функции, причем не только имитируя облик своей богини, но и воплощая ее суть (ср. с индийскими представлениями о шакти; см., например: [Шауб, 2007, с. 83]). Нужно отметить, что эти богатейшие ритуальные одеяния со множеством золотых бляшек и других украшений, на которых представ-

¹⁰ Судя по чрезвычайной пышности убора погребенной, включавшего, в числе прочего, варварского вкуса и тематики золотые бляшки, пектораль, а также по найденной здесь конской узде, это была представительница местной (исходя из местоположения кургана – скорее всего, синдской) аристократии. Хотя Шварцмайер этот факт и известен, никаких выводов она из этого не делает.

¹¹ В качестве одного из главных аргументов против интерпретации погребения 4 как жреческого Шварцмайер выдвигает юный возраст усопшей [Schwarzmaier, 2006, S. 221]. Однако этот тезис (кстати, ею не доказанный) не выдерживает никакой критики, поскольку несовершеннолетние девочки-жрицы отнюдь не являлись редкостью в Древнем мире и, в частности, в Греции, причём здесь они были служительницами в архаических культах таких древних богинь, как Артемида и Афина [см.: Pestalozza, 1951].

¹² См., например: Rostowzew, 1931, S. 330 f. Русский ученый в своих выводах в значительной степени опирался на посвященное калафу (полосу) классическое исследование В. Мюллера [Müller, 1915] с красноречивым названием «Полос – корона греческих богов».

¹³ При всем уважении к С.А. Яценко, мы не можем разделить его сомнений относительно интерпретации носительниц этих головных уборов в качестве жриц [Яценко, 2006, с. 334]. Однако особой женской группы, подобной гадателям-энареям, у скифов, действительно, скорее всего, не существовало (отнюдь не случайно энареи – служители Великой богини – сами были «женоподобны»; см.: Hdt. I, 105; (Ps.)-Hirros. Aëg. 22.).

они были созданы в Афинах и изображают неких условных варваров, описанных Эфором [Mogeno, 2007, p. 74 f.], хотя первое утверждение абсолютно умозрительно, а второе просто ошибочно, поскольку при несомненной стилизации, присущей любому подлинному произведению искусства, бесспорно доказана этнографическая точность костюма скифов, представленных на драгоценных предметах, обнаруженных в южнорусских курганах [см.: Яценко, 2006, с. 47, 65-67 и др. (с обширной библиографией)]. Трудно представить, что какой-либо уважающий себя западный антиковед позволил бы себе такую «легкость в мыслях необыкновенную» при обращении со «своими» (средиземноморскими) материалами, хорошо известными его коллегам, или «чужими» (к примеру, ближневосточными), но доступными для быстрой проверки, из справедливого опасения быть уличенным в некомпетентности.

При знакомстве с подобными работами (которые характерны для современной и, увы, отнюдь не только западной историографии), где при небрежении к элементарным принципам историзма¹⁸ отсутствие понимания непостижимости глубин человеческого духа и неисчерпаемости культуры компенсируется пошлым самодовольством, перед мысленным взором возникает неотвязная тень бессмертного Смердякова, чьи слова (вложенные в его уста Ф.М. Достоевским) вынесены в заглавие данной статьи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Байбурин А.К., Левинтон Г.А.* Похороны и свадьба // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М., 1990. С. 64–98.
- Денисова В.И.* Корoplastика Боспора. Л., 1981.
- Кройц П.-А.* Рельеф из старшего Трехбратнего кургана // Трехбратние курганы. Курганная группа второй половины IV—III вв. до н.э. в Восточном Крыму / Под ред. М. Трейстер. Симферополь; Бонн. 2008. С. 131–140.
- Мачинский Д.А.* Пектораль из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии // Культура Востока. Л., 1978. С. 131–150.
- Молок Д.Ю.* Черты имплицитной мифологии в надгробиях греческой классики // Жизнь мифа в античности. Т. 1. М., 1988. С. 147-156.
- Передольская А.А.* Терракоты из кургана Большая Близница и гомеровский гимн Деметре // ТГЭ. 1962. Т. 2. С. 46-92.
- Пругло В.И.* К вопросу о дате кургана Большая Близница // СА. 1974. № 3. С. 64–77.
- Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.
- Савостина Е.А.* Миф и культ героя // Жизнь мифа в античности. Т. 1. М., 1988. С. 98-115.

2007, p. 76), поскольку русский ученый (который, в отличие от своего незадачливого западного критика, прекрасно понимал отличие письменного источника от изобразительного) не перенес своих выводов относительно условных скифов Эфора на произведения греко-скифской торевтики, увидев в представленных на них сценах ценнейший источник по скифской культуре!

¹⁸ Не будучи специалистом в области хлебной торговли, осмелюсь утверждать, что созданные воображением Морено афинские «пшеничные цари» имеют такое же отношение к исторической реальности, как и его методологический постулат, согласно которому жизнь подражает искусству [Mogeno, 2007, p. 78] (кстати, без ссылки на культивировавших этот тезис английских эстетов, прежде всего У. Пейтера и его ученика О. Уайльда, которые, получив прекрасное классическое образование, едва ли без обиняков отнесли бы данный парадокс к античной эпохе), к методологии антиковедения.

Шауб И.Ю. «Про неправду всё написано!»... 

- Соколова В.К.* Об историко-этнографическом значении народной поэтической образности: Образ «свадьбы-смерти» в славянском фольклоре // *Фольклор и этнография: Связи фольклора с древними представлениями и обрядами*. Л., 1977. С. 188–195.
- Стефани Л.* Объяснение нескольких древностей, найденных в 1864 г. в Южной России // *ОАК за 1864*. СПб., 1865. С. 3–222.
- Стефани Л.* Объяснение некоторых вещей, найденных в 1868 г. в Южной России // *ОАК за 1868*. СПб., 1869. С. 3–216.
- Шауб И.Ю.* Тризны кургана Большая Близница // Тез. докл. конф. «Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд». М. 1985. С. 130.
- Шауб И.Ю.* Погребения кургана Большая Близница как источник по истории религиозных представлений жителей Боспорского царства // *КСИА*. Т. 191. 1987. С. 27–33.
- Шауб И.Ю.* Причерноморско-италийские этюды IV. Скифские цари и этрусские лукумоны // *ИС*. 2005а. № 8. С. 5–10.
- Шауб И.Ю.* Причерноморско-италийские этюды V. Ритуальное превращение в женщину у скифов и этрусков // *ИС*. 2005б. № 8. С. 11–15.
- Шауб И.Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н. э. СПб., 2007.
- Шауб И.Ю.* Италия-Скифия: культурно-исторические параллели. М.; СПб. 2008.
- Шауб И.Ю.* Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н. э.). Saarbrücken; 20. Lambert Academic Publishing. 2011.
- Шауб И.Ю.* Боспорские курганы и загробные представления боспорян // *БИ*. Вып. 30. 2014. С. 639–694.
- Яценко С.А.* Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М., 2006.
- Alexandrescu P.* Le symbolisme funéraire dans une tombe de la péninsule de Taman // *St. Class*. Vol. 8. 1966. P. 75–86.
- Bruckner A.* [Рец. на кн.]: A.A. Peredolskaja. Attische Tonfiguren aus einem südrussischen Grab. *AntK*, BH 2. Olten, 1964. // *MH*. 1967. Bd. 24. S. 123–124.
- Gajdukevič V.F.* Das Bosporianische Reich. Berlin; Amsterdam, 1971.
- Kenner H.* [Рец. на кн.]: A.A. Peredolskaja. Attische Tonfiguren aus einem südrussischen Grab. Olten, 1964 (*AntK*, BH 2) // *Anzeiger für die Altertumswissenschaft*. 1967. Bd. 20. 1. S. 39–42.
- Moreno A.* Athenian Wheat-Tzars: Black Sea Grain and Elite Culture // *The Black Sea in Antiquity. Regional and Interregional Economic Exchanges* / Ed. by V. Gabrielsen and J. Lund. Aarhus. 2007. P. 69–84.
- Munn M.* The Mother of the Gods, Athens, and the Tyranny of Asia. A Study of Sovereignty in Ancient Religion. Berkeley; Los Angeles; London, 2006.
- Müller V.* Der Polos, die griechische Götterkrone. Berlin, 1915.
- Peredolskaja A.A.* Attische Tonfiguren aus einem Südrussischen Grab. Olten, 1964.
- Pestalozza U.* Sacerdoti e sacerdotesse impuberi nei culti di Atene e Artemide // *Religione Mediterranea*. Roma. 1951. P. 233–259.
- Rose J.H.* The Bride of Hades // *Classical Philology*. 1925. Vol. 20. P. 238–243.
- Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922.
- Rostowzew M.* Skythien und der Bosphorus. Bd. 1. Berlin, 1931.
- Rostovtzeff M.* Skythien und der Bosphorus. Bd. 2. Wiederentdeckte Kapitel und Verwandtes. Stuttgart, 1993.
- Schwarzmaier A.* Die Gräber in der Grossen Blizniza und ihre Datierung // *JdI*. Bd. 111. 1996. S. 105–137.
- Schwarzmaier A.* «Ich werde immer Kore heissen». Zur Grabstele der Polyxena in der Berliner Antikensammlung. Mit einem Anhang zu den Schmuckgarnituren aus den Grossen Blizniza auf der Halbinsel Taman. *JdI*. Bd. 121. 2006. S. 175–226.

REFERENCES

- Alexandrescu P. Le symbolisme funéraire dans une tombe de la péninsule de Taman. *St. Class*. Vol. 8, 1966, pp. 75–86.
- Baiburin A.K., Levinton G.A. Pokhorony i svad'ba. *Issledovaniia v oblasti balto-slavianskoi dukhovnoi kul'tury. Pogrebal'nyi obriad*. M., 1990, pp. 64–98.

Боспорские исследования, вып. XXXI

- Bruckner A. [Book review] A.A. Peredolskaja. Attische Tonfiguren aus einem südrussischen Grab. *AntK*, BH 2. Olten, 1964. *MH*. 1967, Bd. 24, S. 123-124.
- Denisova V.I. *Koroplastika Bospora*. L., 1981.
- Gajdukevič V.F. *Das Bosporanische Reich*. Berlin; Amsterdam, 1971.
- Iatsenko S.A. *Kostium drevnei Evrazii (iranoiazychnye narody)*. M., 2006.
- Kenner H. [Book review] A.A. Peredolskaja. Attische Tonfiguren aus einem südrussischen Grab. Olten, 1964 (*AntK*, BH 2). *Anzeiger für die Altertumswissenschaft*. 1967. Bd. 20. 1, S. 39-42.
- Kroits P.A. Rel'ef iz starshego Trekhbratnego kurgana. *Trekhbratnie kurganu. Kurgannaia grupa vtoroi IV—III vv.do n. e. v Vostochnom Krymu. Treister M. (Ed.) Simferopol'*; Bonn, 2008, pp. 131-140.
- Machinskii D.A. Pektoral' iz Tolstoi Mogily I velikie zhenskie bozhestva Skifii. *Kul'tura Vostoka*. L., 1978, pp. 131-150.
- Molok D.Iu. Cherty implitsitnoi mifologii v nadgrobiiakh grecheskoi klassiki. *Zhizn' mifa v antichnosti*. Vol 1. M., 1988, pp. 147-156.
- Moreno A. Athenian Wheat-Tzars: Black Sea Grain and Elite Culture. *The Black Sea in Antiquity. Regional and Interregional Economic Exchanges*. Ed. by V. Gabrielsen and J. Lund. Aarhus, 2007, pp. 69-84.
- Munn M. *The Mother of the Gods, Athens, and the Tyranny of Asia. A Study of Sovereignty in Ancient Religion*. Berkeley; Los Angeles; London, 2006.
- Müller V. *Der Polos, die griechische Götterkrone*. Berlin, 1915.
- Peredol'skaia A.A. Terrakoty iz kurgana Bol'shaia Bliznitsa i gomerovskii gimn Demetre. *TGE*, 1962, vol. 2, pp. 46-92.
- Peredolskaja A.A. *Attische Tonfiguren aus einem Südrussischen Grab*. Olten, 1964.
- Pestalozza U. Sacerdoti e sacerdotesse impuberi nei culti di Atene e Artemide. *Religione Mediterranea*. Roma. 1951, pp. 233-259.
- Pruglo V.I. K voprosu o date kurgana Bol'shaia Bliznitsa. *SA*, 1974, № 3, pp. 64-77.
- Rose J.H. The Bride of Hades. *Classical Philology*. 1925, vol. 20, pp. 238-243.
- Rostovtzeff M. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford, 1922.
- Rostovtsev M.I. *Skifii i Bospor*. L., 1925.
- Rostowzew M. *Skythien und der Bosporus*. Bd. 1. Berlin, 1931.
- Rostovtzeff M. *Skythien und der Bosporus*. Bd. 2. Wiederentdeckte Kapitel und Verwandtes. Stuttgart, 1993.
- Savostina E.A. Mif i kul't geroia. *Zhizn' mifa v antichnosti*. vol. 1, M., 1988, pp. 98-115.
- Schwarzmaier A. Die Gräber in der Grossen Bliznitsa und ihre Datierung. *JdI*. Bd. 111. 1996, S. 105-137.
- Schwarzmaier A. «Ich werde immer Kore heissen». Zur Grabstele der Polyxena in der Berliner Antikensammlung. Mit einem Anhang zu den Schmuckgarnituren aus den Grossen Bliznitsa auf der Halbinsel Taman. *JdI*. Bd. 121, 2006, S. 175-226.
- Shaub I.Iu. Trizny kurgana Bol'shaia Bliznitsa. *Theses of the conference „Balto-slavianskie etnokul'turnye i arkeologicheskie drevnosti. Pogrebal'nyi obriad“*. M., 1985, pp. 130.
- Shaub I.Iu. Pogrebeniia kurgana Bol'shaia Bliznitsa kak istochnik po istorii religioznykh predstavlenii zhitelei Bosporskogo tsarstva. *KSIA*, vol.191,1987, pp. 27-33.
- Shaub I.Iu. Prichernomorsko-italiiskie etiudy IV. Skifskie tsari i etruskie lukumony. *IS*, 2005a, № 8, pp. 5-10.
- Shaub I.Iu. Prichernomorsko-italiiskie etiudy V. Ritual'noe prevrashchenie v zhenshchinu u skifov i etruskov. *IS*, 2005b, № 8, pp. 11-15.
- Shaub I.Iu. *Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'e VII-IV vv. do n.e.* St.Petersburg, 2007.
- Shaub I.Iu. *Italiia-Skifii: kul'turno-istoricheskie paralleli*. M.; St.Petersburg, 2008.
- Shaub I.Iu. *Ellinskie traditsii i varvarskie vliianiia v religioznoi zhizni grecheskikh kolonii Severnogo Prichernomor'ia (VI-IV vv.do n.e.)*. Saarbrücken; Lambert Academic Publishing, 2011.
- Shaub I.Iu. Bosporskie kurgany i zagrobnye predstavleniia bosporian. *BI*, 30, 2014, pp. 639-694.
- Sokolova V.K. Ob istoriko-etnograficheskom znachenii narodnoi poeticheskoi obraznosti. Obraz "svad'by-smerti" v slavianskom fol'klоре. *Fol'klor i etnografiia. Sviazi fol'klora s drevnimi predstavleniiami i obriadami*. L., 1977, pp. 188-195.

